

Л. В. Шиповалова

ОБЪЕКТИВНОСТЬ: ПУТЬ ОТ САМО СОБОЙ РАЗУМЕЮЩЕГОСЯ К ОЧЕВИДНОМУ*

Цель статьи — продемонстрировать возможности философского исследования понятия объективности. Подобное исследование представляет собой путь от само собой разумеющегося к очевидному. Приведение к очевидности концепта объективности, признанного в качестве базовой научной ценности, связывается с решением проблемы совместимости историчности и объективности и с формированием полного понятия объективности. Формулируется понятие научной объективности, позволяющее по-новому представить взаимную дополнительность ее основных смыслов: независимости от субъекта, отношения к реальности, а также отношения к субъекту как основанию всеобщих и необходимых суждений. Полное понятие объективности включает в себя как мотив научного исследования, связанный с вопросом о познании независимой реальности, так и ответ на этот вопрос, связанный с организацией правильной познавательной активности научного субъекта. Полное понятие объективности необходимо включает в себя историчность, которая предполагает в концепте: во-первых, начало, в котором сосуществуют и взаимодействуют противоречивые смыслы; во-вторых, развитие, в котором различные смыслы становятся актуальными и доводятся до противостояния в качестве оснований практических действий; в-третьих, возобновляющееся обращение к истоку как ответ на современную проблемную ситуацию. Именно благодаря собственной историчности объективность выполняет свою функцию в познании.

Ключевые слова: объективность, историчность, наука, очевидность.

L. V. Schipovalova

OBJECTIVITY: FROM SELF-EVIDENT TO THE OBVIOUS

The concept of objectivity is defined in the article as, on the one hand, recognized as the basic scientific value and, on the other hand, non-obvious in this case. Bringing to the obvious is associated with the problem of compatibility of historicity and objectivity, with necessity to form a complete notion of objectivity and to define it as an essential element of scientific research. Historicity suggests three points: firstly, the beginning, in which we can find the co-existence and interaction of contradictory meanings; secondly, the development, in which different meanings are found and brought to the confrontation as a basis for action; thirdly, the reappearance of the source as a response to the modern problem situation. As a result of the treatment to the genesis of the concept of objectivity, which is the starting point from the modern problem situation, a notion of scientific objectivity was formed that shows a mutual complementarity of its basic meanings: the independence of the subject and the relation to reality and to subject as the basis of universal and necessary judgments. Complete notion of objectivity as a scientific value includes both the motif of research related to the question about independent reality, and the answer to this question related to the organization of proper scientific activity of the subject.

Keywords: objectivity, historicity, science, evidence.

Порой создается впечатление, что с некоторыми понятиями в философии всё уже давно решено. Они достаточно разработаны в теории и являются несомненными основаниями практической деятельности. К таким понятиям можно отнести и научную объективность. Казалось бы, что вызывает меньше сомнений, чем стрем-

Шиповалова Лада Владимировна — кандидат философских наук, доцент, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; ladaship@gmail.com

Schipovalova L. V. — Candidate of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; ladaship@gmail.com

* Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ, проект № 12-03-00560.

ление ученых познавать мир сам по себе, что может удовлетворить исследователя больше, чем успехи на этом пути? Может создаться впечатление, что в философии научная объективность обнаруживается исключительно как устойчивый технический термин, но не как проблема.

Однако если не сама объективность, то по крайней мере этот ее статус «само собой разумеющегося» может оказаться под вопросом. Дело в том, что понятие объективности не является очевидным, оно лишено ясности и отчетливости. Отчетливость предполагает отличие понятия от других и проведение его аналитики. Ясность относится к содержанию концепта.¹ По Декарту, возможны различные степени ясности и отчетливости. Предмет ясного знания аподиктически очевиден, т. е. не мыслим не существующим, сомнительным [2, с. 607–608]. Актуален ли сегодня вопрос о ясности и отчетливости в отношении объективности, и если да, то как ответить на него, чтобы приблизиться к очевидности?

Известность объективности еще не делает ее познанной. Несмотря на то, что этот концепт более или менее явным образом признается во всех направлениях исследований науки, смысл его трактуется настолько неоднозначно, что говорят даже о «нередуцируемой сложности объективности» [3] (см. также: [4]). Специалисты в области современной эпистемологии выделяют различные виды объективности: механическую, коммунитарную, структурную, а-перспективную, процедурную, диалектическую и др. [5–7]. Отечественные философы науки также склонны признавать ее «многоликость» [8]. Можно ли считать такое многообразие результатом проведения отчетливой аналитики? Все виды объективности подчиняются общему формальному определению: объективность есть преодоление субъективности. Но при этом не проясняются ни необходимость многообразия форм, ни содержательное единство данного концепта, который должен включать в себя не только негативный смысл — независимость от субъекта, но и два позитивных, определяющих основания объективности как характеристики научного знания: независимую реальность и научного субъекта, формирующего всеобщие и необходимые суждения.

Можно ли остановиться на признании такой неопределенной «многоликости» и «нередуцируемой сложности» объективности? В какой ситуации нельзя не совершать движение к очевидности, не думать о единстве смысла концепта и не ставить задачу достижения ясного и отчетливого его понимания? Эта ситуация имеет место, когда концепт является основанием практических действий. Именно в этом случае нельзя довольствоваться неоднозначными определениями.

Объективность именно такова, поскольку она, в качестве ценности и цели, определяет познание и научную деятельность. Вследствие этого объективность в ее противоречивом истолковании оказывается в центре конфликтного противостояния современных исследований феномена науки, имеющих основание в социальном конструктивизме и эпистемологическом рационализме. Противостояние это принято называть «научной войной».² Указанное противоречие проявляет себя в догма-

¹ Ж. Деррида, комментируя «Начала геометрии» Гуссерля, пишет: «Следует отличать отчетливость от ясности. Ясность стремится проникнуть “сквозь” суждение к предмету, тогда как отчетливость характеризует внятность суждения для самого себя. Только отчетливое, а не ясное суждение может быть предметом “чистой аналитики”» [1, с. 56].

² Об интерпретации «научных войн» см., напр.: [9; 10].

тическом противопоставлении двух позитивных оснований объективности знания: независимой реальности и научного субъекта.

Такое конфликтное положение дел имеет свое глубинное основание в проблеме совместимости историчности и объективности. Эта проблема обнаруживает себя в двух аспектах. Во-первых, объективность противопоставляется историчности в качестве характеристики научной деятельности. Предполагается, что объективность отсылает к единству природы научных объектов, а историчность — к многообразию культуры научных субъектов. Это положение трактует объективность вне всякой связи с научным субъектом и усугубляет ситуацию «научной войны». Во-вторых, историчность проникает в анализ самой объективности как научной ценности, когда утверждается, что объективность возникает на определенном этапе развития науки и ее значение изменяется в ходе истории. Такого рода исторический характер объективности релятивизирует ее, что впоследствии становится основанием для ее противоречивого понимания.

Таким образом, мы видим, что «само собой разумеющаяся» понятность объективности является лишь видимостью, которая скрывает действительную проблему, связанную с конкретными исследованиями феномена науки. Данная ситуация определяет первый шаг и необходимость дальнейшего продвижения к очевидности. Какие шаги должны стать продолжением этого пути? Во-первых — обнаружение историчности в существе концепта объективности, т. е. устранение основания проблемы — противоречия между объективностью и историчностью, а также обоснование того, что историчность не только релятивизирует понятие объективности, но и связана по существу с его полнотой. Во-вторых — осуществление такой интерпретации концепта объективности, при которой в него входят в качестве необходимо взаимодействующих те смыслы, которые сегодня противостоят друг другу, а также объясняется необходимое многообразие смыслов. Решение этих задач позволит увидеть концепт объективности в его отчетливости. В-третьих — демонстрация того, что именно в силу указанной полноты объективность может осуществлять собственную неотменяемую функцию в научном познании. Последний пункт означает понимание объективности в ее аподиктической очевидности.

Такому приведению к очевидности следует предпослать определенным образом истолкованный смысл историчности. Историчность как определенность сущего содержит три необходимых взаимодействующих элемента: во-первых, начало, в котором соприсутствуют и взаимодействуют противоречивые смыслы (в случае объективности — отношение к независимой реальности и к научному субъекту); во-вторых, развитие, в котором различные смыслы становятся актуальными и доводятся до противостояния в качестве оснований практических действий; в-третьих, возобновляющееся обращение к истоку как ответ на современную проблемную ситуацию. Таким образом, «опасная историчность», которая релятивизирует объективность и создает современную проблему, представляет собой только один из элементов полного понятия историчности.

Является ли объективность историчной в определенном выше смысле? Уже обнаруженный второй элемент — так называемая «опасная историчность», создающая современную проблему — будет дополнен первым, если в истоке возникновения концепта объективности обнаружится (или нет) его необходимая двусмысленность. Третий элемент представляет собой путь от само собой разумеющейся объектив-

ности, выявленной в поле конфликтного противостояния, к очевидности ее полного понятия, включающего возможность конструктивного взаимодействия ее смыслов. Иначе говоря, третий элемент историчности понятия — это исследование, краткое изложение которого присутствует в данной статье.

Для выявления первого элемента обратимся к истокам. Эпоха схоластики, которую представляет, например, Ф. Суарес, — время, когда исследуемое понятие объективности вводится в философский оборот. При этом «объективное понятие» (*conceptus objectivus*) характеризует предмет метафизики и обозначает некоторую медиальную ситуацию, касающуюся статуса познанной реальности, провоцируя вопрос о том, чего в ней «больше» — познания или реальности³. Обнаруживается, что упомянутый статус определяется негативно как по отношению к интеллекту (объективное — то, на что направлен интеллект как на «брошенное перед»), так и по отношению к вещи (вещь, в качестве познанной, в объективном бытии лишается характеристик ее актуального существования). С другой стороны, статус объективного определяется позитивно: в качестве его основания указываются как актуально сущая вещь, так и акт интеллекта [12].

Эта двусмысленность, обнаруживающаяся в современной исследовательской литературе, где различаются противоречивые позиции реалистической и идеалистической интерпретации статуса объективного понятия в метафизике Ф. Суареса [13], не случайна. Она связана с переходным характером эпохи Второй схоластики, разворотом метафизики к проблематике познания, «от реализма к трансцендентализму» [14]; само объективное понятие становится актуальным именно в контексте этого перехода, поскольку через него *познаваемая вещь* приобретает законный статус предмета метафизики. Кроме того, эта двусмысленность связана с тем, что объективное понятие выполняет функцию необходимого посредника между вещью и интеллектом в познавательной ситуации. Оно вводится в этом статусе и потому должно содержать и выдерживать неоднозначность своего основания. Таким образом, уже на этом этапе в объективности опознаются, во-первых, сопричастие противоречивых смыслов, порождающее противоположные интерпретации, и, во-вторых, статус необходимого элемента познавательной ситуации.

В философствовании Декарта понятие объективности переживает следующую трансформацию. Тексты Декарта («Размышления о первой философии», включая «Ответы на возражения») дают основание для двух различных интерпретаций объективной реальности идей. Эти интерпретации в разной степени представлены в современной комментаторской традиции (так называемые Стандартная и Нестандартная теории [15; 16])⁴. Первая интерпретация предполагает, что основанием объективности как характеристики идеи является по преимуществу то, к чему идея относится (*ofness*) [18], что может быть соотнесено с содержанием интенционального объекта и даже с реально существующей вещью; при этом акцент делается на актуальности репрезентируемой вещи. Во втором случае объективная реальность идеи связывается с объектом, который может репрезентироваться правильной когнитивной активностью; при этом акцент делается на правильной когнитивной

³ Подробнее об обосновании двусмысленного статуса рассматриваемого концепта в метафизике Ф. Суареса см., напр.: [11].

⁴ Подробнее об обосновании двусмысленного статуса рассматриваемого концепта в философствовании Р. Декарта см., напр.: [17].

активности и достижение объективной реальности оказывается зависимым не от наличия того, *что* репрезентируется, но от того, *как* осуществляется репрезентация.

Таким образом, снова обнаруживается неизбежная двусмысленность объективности, причем она оказывается уже не просто посредником между вещью и интеллектом в познании. Понятие «объективной реальности» у Декарта как описывает проблему (репрезентацию вещи в интеллекте), так и указывает способ ее решения (преодоление ложных, неадекватных задаче способов репрезентации), оказываясь при этом динамической характеристикой деятельности субъекта, преодолевающего собственное несовершенство, конечность, реализующего правильные способы репрезентации сущего. Именно такое понимание объективности позволяет увидеть многообразие ее форм в качестве необходимого: преодоление собственной партикулярности научным субъектом многообразно постольку, поскольку многообразны виды научной деятельности, в которых по-разному обнаруживается несовершенство познающего субъекта. Оно необходимо, поскольку является способом ответа на вопрос о существовании «вещей вне нас».

Философствование И. Канта — последний пункт исторического становления понятия научной объективности. Именно с XIX в. это понятие начинает входить непосредственно в научный словарь, различным образом определяя ценность или добродетель научного субъекта, ставящего вопрос о целях и способах своей деятельности, связанного с объективностью в самом вопросе и в ответе на него⁵.

Объективность рассматривается у Канта в контексте основной проблематики трансцендентальной теории познания, выступая одним из важнейших определенных научных суждений. Возможность двойственного толкования объективности отмечается в современной кантоведческой литературе. По преимуществу речь идет о «Критике чистого разума». Исследователи полагают, что для определения статуса категорий как необходимого условия мышления объекта возможного опыта Кантом используется понятие «объективная значимость», а для оправдания той роли, которую категории играют как необходимые основания опыта, определяемые в своем конкретном применении к многообразию представлений, употребляется понятие «объективная реальность» [19; 20].

Анализ этих интерпретаций показывает, что двусмысленность объективности у Канта не является случайной: она связана с утверждением необходимого взаимодействия рецептивности и спонтанности познающего субъекта. Это взаимодействие, в свою очередь, имеет основание в проблематичном характере свободы субъекта познания, которая учреждает себя перед лицом недостижимого Другого — вещи самой по себе. Таким образом, в основании двусмысленного статуса объективности, выразившегося в различии «объективной значимости» и «объективной реальности», лежит двойственность объективности в ее отношении к субъекту как основанию всеобщих и необходимых суждений и к предмету самому по себе, существующему независимо.

В философствовании Канта может быть обнаружен и тот негативный смысл объективности, который был определен как принимающее многообразные формы

⁵ Именно потому в данном контексте мы можем завершить рассмотрение генезиса понятия научной объективности обращением к философии И. Канта. К началу XIX в. этот концепт оформился в своей необходимой двусмысленности, и дальнейшее его развитие так или иначе связано с разрешением проблем, которые определяются этой двусмысленностью.

в истории преодоление субъективности. Этот смысл можно связать с максимой широкого мышления, мышления себя на месте другого, которую Кант в «Критике способности суждения» относит к максимам «обычного человеческого рассудка». Именно такая конкретная деятельность, служащая преодолению «частных условий суждения», может быть рассмотрена и как основание универсальных правил познания, и как ответ на вопрос о вещах вне нас.

Итак, обращение к генезису понятия научной объективности позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, проясняется, что именно изначальное сущностное «двусмысленное» положение концепта объективности порождает противоречивые интерпретации его статуса, а также приводит к тому, что различные его смыслы в качестве объективированных сущностей начинают выступать противоречивыми основаниями современного понимания феномена науки. Во-вторых, выявляется полное понятие объективности, включающее в себя как мотив научного исследования, связанный с вопросом о познании независимой реальности, так и ответ на этот вопрос, связанный с организацией правильной познавательной активности научного субъекта. Принятие такого полного понятия может служить разрешению проблемной ситуации, сложившейся сегодня в области исследований феномена науки. В-третьих, именно выявление необходимого взаимодействия смыслов высвечивает объективность в качестве неотменяемого эпистемического концепта, по существу определяющего научную деятельность, раскрывающего проблематичность познавательного отношения. Иначе говоря, полное понятие объективности включает в себя историчность в определенном выше смысле.

Таким образом, путь от само собой разумеющегося к очевидному, который был раскрыт на примере анализа концепта научной объективности, предполагает два необходимых шага. Первый — вскрытие неясности, неоднозначности концепта, обнаружение существенной проблематичности за видимостью общепризнанности и понятности. Второй — обращение к генезису концепта, «возвратный вопрос» к источнику его понятийной значимости, необходимости и историчности [1]. В данном случае таким источником для базового научного концепта выступает философская традиция. На втором шаге обнаруживается неслучайность имеющей место проблематичности понятия и совершается такая его «сборка», которая служит основанием для разрешения проблемы. Тем самым достигается отчетливость и ясность, осуществляется приведение к очевидности. Описанный путь был продемонстрирован на конкретном примере, но он может быть утвержден как способ философского исследования концептов *par excellence*. Впрочем, доказательство последнего тезиса требует отдельного исследования.

Литература

1. Гуссерль Э. Начало Геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996. 272 с.
2. Декарт Р. Письмо к Х. Деруа от 24 мая 1640 г. // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 607.
3. Douglas H. The Irreducible Complexity of Objectivity // Synthese. 2004. Vol. 138, N3. P. 453–473.
4. Megill A. Introduction: Four Senses of Objectivity // Rethinking Objectivity / ed. by A. Megill. Durham: Duke University Press, 1994. P. 1–20.
5. Daston L. Objectivity and Escape from Perspective // Social Studies of Science. 1992. N22. P. 597–618.
6. Daston L., Galison P. Objectivity. New York: Zone Books, 2007. 501 p.
7. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton Univ. Press, 1995. 325 p.

8. Баженов Л. Б. Три лика объективности // Смирновские чтения: 4-я международная конференция. М.: ИФ РАН, 2003. С. 227–228.
9. *Vrouin J. R.* Who Rules in Science? An Opinionated Guide to the Wars. Cambridge, Mass.; London: Harvard Univ. Press, 2001. 236 p.
10. The Science Wars: Debating Scientific Knowledge and Technology (Contemporary Issues) / ed. by K. Parsons. New York: Prometheus Books, 2003. 300 p.
11. Шиповалова Л. В. История философии как аргумент современной философии науки. Ф. Суарес и научная объективность // Вестник РХГА. 2014. № 1. С. 105–112.
12. *Cronin T. J.* Objective Being: in Descartes' Thought and in a Source of Descartes: Theses, Ph.D. Toronto: University of Toronto, 1956. 364 p.
13. *Pereira J. Suarez: Between Scholasticism and Modernity.* Milwaukee: Marquette Univ. Press, 2007. 284 p.
14. Шмонин Д. В. В тени Ренессанса. Вторая схоластика в Испании. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 277 с.
15. *Wilson M. D.* Descartes. London; New York: Routledge, 2005. 231p.
16. *Kaufman D. W.* Descartes on the Objective Reality of Materially False Ideas // Pacific Philosophical Quarterly. 2000. Vol. 81, N 4. P. 385–408.
17. Шиповалова Л. В. Двусмысленность объективности: случай Декарта // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2013. № 4. С. 42–45.
18. *Shapiro L.* Objective Being and «Ofness» in Descartes // Philosophy and Phenomenological Research. 2012. Vol. 84, N 2. P. 378–418.
19. *Allison H. E.* Objective Validity and Objective Reality: The Transcendental Deduction of the Categories // Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense. New Haven: Yale Univ. Press, 1983. P. 133–172
20. *Bunch A.* «Objective validity» and «Objective Reality» in Kant's B-deduction of the Categories // Kantian Review. 2010. N 14. P. 67–92.

Статья поступила в редакцию 29 ноября 2014 г.